

Вспоминает священник Евгений ГЕЙНРИХС¹

Из русских сестер-доминиканок, которые состояли в Третьем регулярном ордене, основанном в России матерью Екатериной Абрикосовой², мне посчастливилось быть знакомым с тремя: это сестра Екатерина³, которая жила в Москве, сестра Антонина⁴, оставшаяся ко времени моего знакомства с сестрами в общине старшей, поэтому ее называли матерью Антониной, и сестра Филомена⁵. Мать Антонина и сестра Филомена жили в Вильнюсе, в разных концах города: Валентина Васильевна — на улице Дзуку, а Софья Владиславовна — на Жермуны.

Первая сестра, с которой я познакомился, была Нора Николаевна. Нас познакомил наш общий знакомый, который привел меня к ней впервые осенью 1978 года в дом на проспекте Вернадского. С тех пор я стал бывать в этом доме регулярно, до самой смерти Норы Николаевны в 1987 году.

В 1981 году я стал католическим священником и, бывая в Москве, что случалось довольно часто, каждый раз служил у нее мессу. Если у нее была такая потребность, оставлял ей какой-то запас Святых Даров для ежедневного причащения в отсутствие священника (ко времени нашего знакомства Нора Николаевна уже была малоподвижна).

Нора Николаевна была невысокого роста, с чертами лица, нетипичными для привычного образа еврейки: курносая и широкоскулая. При всей своей ортодоксальности, верности церковной традиции и послушанию учению Церкви, она отличалась какой-то смелостью и мужской мудростью суждений, а иногда решительностью и властью. Когда она говорила о Боге, могла сказать вещи очень смелые, находившиеся на передовой позиции развития церковного учения, что привлекало к ней людей. Она очень хорошо усвоила дух Второго Ватиканского собора, очень живо интересовалась новейшими документами церковного учительства и, в первую очередь, конечно, апостольскими посланиями Папы, которые живо комментировала.

В силу живости ума, молодости мышления и мудрой смелости суждений Нора Николаевна стала своеобразным центром притяжения. У нее бывало много молодых и интеллигентных людей. Посещали ее не просто как бабушку, которой надо оказать помощь или что-то принести из магазина, а главное — ради общения с ней. Должен сказать, что общение с ней сыграло очень большую роль и в моей жизни. Она была одной из тех, кто открыл передо мной духовную красоту и доброту христианской веры. Некоторые вопросы более-менее давнего церковного прошлого волновали меня, и я не знал, что ответить на возникающие вопросы себе и другим. Она помогла мне найти точный, убедительный и умиротворяющий ответ на все эти, будоражащие душу вопросы.

Она постоянно работала — до последних дней своей жизни — что-то переводила из богословской литературы; какую-то мелкую работенку ей, как приработок к пенсии, приносили из библиотеки, где она проработала

¹ Интервью проведено и текст его расшифрован Ириной Полтавской.

² Абрикосова Анна (Екатерина) Ивановна. Справка на нее и нижеследующих приведена в конце статьи, в "Алфавите упоминаемых лиц".

³ Рубашова Нора (Екатерина) Николаевна.

⁴ Кузнецова Валентина (Антонина) Васильевна.

⁵ Эйсмонт Софья (Филомена) Владиславовна.

часть своей жизни, после последнего освобождения и до выхода на пенсию. Много времени она посвящала духовным упражнениям: молитвам, размышлениям, чтению соответствующей литературы. Ее ежедневно посещали разные люди, у нее была постоянная потребность чем-то помочь человеку, как-то солидаризироваться с его жизнью при всей ограниченности своих возможностей.

Часто из-за болезни сердца она вообще была лишена возможности выходить из дому, а по телефону тогда говорить было трудно: тот же страх и, конечно, соображения благоразумия, потому что круг ее знакомых был такой, что в принципе мог интересовать органы. Трудно было предугадать, какими самыми невинными сведениями они могут воспользоваться и во вред кому, чего не хватает им в создаваемой ими параноидной картине. К тому же мы тогда это не так хорошо представляли, как потом, когда многое стало прозрачно. Когда все рассыпалось, развалилось на наших глазах, стало понятно, что мы наблюдали уже агонию — никакой идеи, никакого здравого смысла. Тогда же это представлялось ужасным и безысходным.

Наверно поэтому не так интересно было то, что трагическим было в далеком прошлом, ведь реальность страшного настоящего вырисовывалась здесь рядом, в судьбах отдельных людей, наших современников, кто причастился этой чаше страданий практически на наших глазах. Из числа людей, с кем общалась Нора Николаевна, но не вследствие общения с нею, кое-кто попал в поле зрения ГБ. Кого-то "вызывали", к кому-то приходили, некоторые, в силу этого, отказались от общения с ней. Она их не осуждала, но особенно за них переживала. Сейчас многое описывается по-другому, а тогда некоторые прекращали ходить в церковь, избегали встреч со знакомыми, просились обратно в партию. И она никого не осуждала, но, конечно, страдала от этого.

Я продолжал у нее бывать. Общение с ней в то время у меня никакой тревоги не вызывало, но все-таки я подчинялся установленным ею правилам. К концу первой половины 80-х годов мы с ней общались в значительной части с помощью карандаша и рулона туалетной бумаги, на которой записывали то, что хотели сказать и то, что не должно было в случае возможного прослушивания стать достоянием "слушателей".

Запомнилась мне история с гвоздем в тамбуре перед квартирой Норы Николаевны, загадочно, как говорят некоторые, возникшем в стене. Знаю об этом только со слов. Я не обращал внимания на эти стены, тамбур был полутемный, но однажды, по словам сестры Екатерины, там появился гвоздь, которого до того якобы не было. Ночами она практически не спала из-за сердечной болезни и, как она рассказывала, услышала вдруг какую-то возню в тамбуре. Она вышла на лестницу, когда все стихло, и увидела этот злополучный гвоздь. Я не знаю, что там такое было, но едва ли то, что она предполагала. Ведь, наверное, квартиру окнами во двор можно было прослушивать и без таких технических сложностей. Во всяком случае, над гвоздем почти все посмеивались.

Когда она умерла, то в день ее похорон я этот гвоздь выдернул и ножом там поковырял, ничего, конечно, не обнаружив. Правда, стены расковыривать особенно не стал. Для меня это было не удовлетворение любопытства, а какая-то своеобразная дань ее памяти. Я просто уничтожил то, что доставляло ей при жизни страдание. Это был уже 1987 год, к этому можно было относиться совсем иначе, чем в первой половине восьмидесятых.

Мне кажется, что в Норе Николаевне до последних дней жизни жила нереализованная потребность в материнстве. Это была хрестоматийная еврейская мама и бабушка, заботливая до смешного. Она взрослым мужчинам, профессорам, приходящим к ней, говорила, что горло надо закрыть, шарфик надо поправить. Или спрашивала: *«А что у тебя на ногах, ведь уже холодно»*. Это было очень трогательно.

Некоторых людей она любила слепо. Она наделяла их качествами, носителями которых они вовсе не были, как мне кажется, хотя, может быть, я и ошибаюсь. Однако эта самоотдача трогательной любви всегда поражала. И что за беда, что она самовлюбленного глуповатого эгоиста и манипулятора видела добрейшим и мудрейшим. Такие ошибки не постыдны. Я сам испытывал ее заботу о мелочах моей жизни. Тогда я шутил: *«Нора Николаевна, Вам, наверное, кажется, что, если Вы не будете знать расписания поездов, то поезда ходить не будут»*. Она, действительно, хотела принимать участие в чужой жизни и не потому, что ей было скучно.

В последние годы жизни Нора Николаевна практически каждую ночь мучилась от сердечных приступов и вынуждена была спать полусидя; участились год от года случаи, что она просто не могла выходить на улицу из-за слабого сердца и головокружений. Первые годы нашего знакомства она все-таки еще куда-то выезжала, а позднее практически свою квартиру покидала только несколько раз в году, главным образом, летом, когда кто-то из ее друзей располагал временем, и, если она хорошо себя чувствовала, помогал ей выйти во двор подышать просто воздухом.

Смерть Норы Николаевны была одновременно и ожидаемой, и внезапной. При состоянии ее здоровья смерть могла прийти к ней ежедневно. Очень хорошо это понимая, наверное, она предчувствовала свою кончину. Я как сейчас помню, — позвонила она в понедельник вечером домой ко мне в Ленинград и спросила: *«Не собираешься ли ты завтра быть в Москве»?* А у меня был уже билет на завтра, и я говорю: *«Да нет, я в среду утром приеду»*. Она говорит: *«Хорошо»*. Я спрашиваю: *«А почему такой вопрос?»* — *«Я неважно себя чувствую, а хотелось бы поговорить, давно тебя не видела — соскучилась»*. Но мы настолько привыкли, что человек ее возраста и плохого здоровья чувствует себя, как правило, нехорошо, что я здесь ничего удивительного и тревожного не уловил, тем более, что она сказала: *«Да, да, хорошо, в среду тогда сразу мне позвони, заезжай»*. И мы с ней простились.

В среду, когда я приехал и, как обычно, позвонил с вокзала, незнакомый женский голос сказал мне, что Нора Николаевна умерла. Я приехал туда уже к холодному телу, лежащему на столе. К ней, как рассказывали очевидцы, пришел врач или медсестра делать ей укол, и уже во время инъекции вены начали "западать". Наступило то, что медики называют состоянием смерти. Ее не увезли в морг. Она лежала дома, в гробу на столе. Это было в мае, было жарко. Я пришел ко гробу не сразу после того, как мне сообщили о смерти, так как в моем присутствии тогда не было необходимости. Я пришел в день похорон. Вокруг были близкие люди, один священник, которого она очень любила, пришел туда в среду и совершил отпевание.

Меня поразило то, что она очень хорошо выглядела. Не было восковой мертвенной бледности, хотя видно было, что это уже не человек, а его мертвое тело, и лицо сохранило печать жизни, навсегда. Она была такая, какая ушла из жизни. Какая-то полуулыбка, отражающая радость

встречи. Собрались люди, кто ей был особенно близок, ее друзья, каждого из которых я видел в ее доме много раз, с некоторыми из них до сегодняшнего дня меня связывает тесная дружба, хотя некоторые из них уже ушли туда, где все мы, надеюсь, когда-нибудь встретимся. Мне осталось проводить Нору Николаевну в последний путь.

* * *

С сестрами Антониной и Филоменой я познакомился несколько позднее, уже будучи священником, в Вильнюсе, где я бывал в то время достаточно часто. С ними практически ежедневно общался отец Андрей Касьяненко, который в квартире на улице Дзуку служил для сестер ежедневно обедню. Сестра Филомена приходила не каждый день, но по воскресеньям и праздникам бывала там регулярно. В воскресные и в праздничные дни маленькая община, ее вильнюсская часть, собиралась в квартире на улице Дзуку, которая была как бы центром, поскольку сестра Филомена туда приходила. Были еще другие сестры, но они к этой истории уже отношения не имеют, потому что они были более позднего "призыва"; в основном они помогали престарелым сестрам в их все более тяжелой жизни. Сегодня можно сказать с сожалением, что эта ветвь доминиканской семьи сейчас угасла, правда, дав жизнь другим общинам.

Сестры были очень разные. Валентина Васильевна — полноватая, кругленькая такая старушка, сильно хромающая. Я ее застал совсем уже не транспортабельной из-за перенесенной когда-то травмы ноги. Она практически из дому не выходила и по своей крохотной "хрущевской" квартирке передвигалась с большим трудом. Милая, трогательная старушка, очень благочестивая, как и все они, придерживалась традиционных суждений, старомодных и по-своему трогательных для дамы ее возраста и судьбы. По своим личностным данным сильно отличалась от Норы Николаевны, — меньше энергии, больше мягкости.

Сестра Филомена — высокая, со следами былой красоты, она во время нашего знакомства была уже в очень почтенном возрасте. Если мне память не изменяет, ей было около восьмидесяти, но видно было, что в молодости она была очень хороша собой. У нее была старческая болезнь позвоночника, поэтому по улице она передвигалась, сильно согнувшись. Дома же она выработала странную и непривычную походку, — ходила, немножко согнув ноги для того, чтобы голову держать прямо. Это могло бы производить в другом случае немножко гротескное впечатление, но здесь видно было желание не сдаваться, не подчиняться болезни. Суждения ее, по большей части, носили более, чем у других сестер, восторженный, я бы сказал, институтский характер. Она по своим суждениям, в каких-то необыкновенных вспышках восторга или, наоборот, трогательного гнева, напоминала дореволюционную курсистку. Очень трогательная старушка.

Я знал, что судьба у каждой из них героическая. Каждая из них приняла веру, вступила в общину сестер-доминиканок в ранней юности. Они учились в университетах, консерватории, и этот старый тип образования очень чувствовался в них. Каждая из них хорошо владела иностранными языками, то есть закваска была еще гимназическая и институтская. Вступили они на путь исповедничества юными девушками и ни разу потом при всех трудностях не изменили избранному пути. Перенести им пришлось очень многое: и тюрьмы, и лагеря, и многолетние высылки. Путь их складывался по-разному. Например, сестра Филомена

практически все годы тюрем, лагерей и ссылок провела в одиночестве. У других сестер случалось так, что они в ссылке, а иногда и в лагере, оказывались по двое-трое, то есть могли общаться, поддерживать друг друга, вместе молиться, что, конечно, облегчало лагерную, тюремную или ссыльную жизнь. И ни разу они не изменили избранному пути.

В их рассказах о своем прошлом интересны были не сами по себе подробности, которые практически типичны для всей лагерной мемуаристики: ужасы барачных нары, переполненные баржи или "столыпинки", — ничего нового здесь они, конечно, описать не могли. Меня в их рассказах всегда поражал какой-то духовный реализм. Не оптимизм, а духовный, христианский реализм. Они через все эти ужасы, через этот мрак прозревали открывающуюся им подлинную реальность, реальность любви и добра в Боге.

Были страдания, был, конечно, страх, который запечатлелся в их жизни практически до конца, но, когда они вспоминали лагерную жизнь, по большей части их воспоминания были абсолютно лишены оттенка озлобленности, какой-то злопамятности, мстительности, что, надо сказать, меня поражало и поражает до сегодняшнего дня. Они описывали случаи, эпизоды, встречи, каждый раз находя в них что-то привлекательное. Все мрачные подробности лагерного быта мне были уже знакомы из литературы, а поражала меня и стала открытием в их рассказах реальность добра.

Вот пример — идет маленькая женщина Нора Рубашова с огромным тюком своих вещей, может быть, он и не такой огромный, но для нее большой. Это многокилометровый перегон, и она начинает отставать от массы других заключенных, бредущих по разбитой дороге. Отстает, слабеет, силы ее оставляют, а она прекрасно знает пресловутую инструкцию, которая гласит — *«шаг влево, шаг вправо считается побегом»*. Но охранник с матюгами вырывает у нее этот тюк, полубегом доносит его до телеги, и так спасает ей жизнь. И его сестра вспоминает с неизменной благодарностью.

Другая сестра вспоминает цветочки, побеги травы за Полярным кругом, третья вспоминает милых, простодушных своих лагерных товарок, а не озлобленных уроков. Я не помню, чтобы они смаковали какие-то ужасы, и, если кто-то пытался вытянуть из них, чтобы они их другим поведали, сестры как-то от этого отмахивались — *«да, да»* — и опять переходили к описаниям более радостным. Как они в этих ужасных условиях, где-нибудь собравшись вдвоем, втроем, в ссылке или в зоне, встречали Рождество, и где позволяли условия, вырезали какие-то фонарики из цветной бумаги, из конфетных фантиков, из чего-то подручного, украшали чем-то свои алтарики.

Страдание, преобразующееся во что-то другое — вот открытие, открытие мира. Вместе с тем это путь христианского подвига. И сестры, конечно, к нему были причастны. Вот что в общении с ними, со всеми такими разными, поражало более всего. Один доминиканец, наш современник, богослов и блестящий проповедник — отец Саймон Тагуэлл сказал, что для оптимиста прозрачно зло, а для пессимиста прозрачно добро: один одного не замечает, другой другого. Но применительно к христианству я бы назвал это именно реализмом: царским путем, по которому прошел Господь Иисус Христос, где страдания преобразуются благодатью в радость. И не могу также себе отказать в удовольствии вспомнить по поводу оптимизма и пессимизма, но применительно также к

нашим сестрам, слова Сергея Сергеевича Аверинцева, когда он писал в одной из своих статей, описывая путь христианского реализма, что этот путь лежит в равном удалении от двух специфических видов человеческой глупости, которые могут быть названы условно оптимизмом и пессимизмом.

Иногда, конечно, утомляла казавшаяся суетливой их стариковская забота о каких-то вещах, как казалось тогда, малозначительных. Дистанция между подвигом почти хрестоматийным и вот этими столь человеческими буднями казалась порой огромной и смущала. Но у меня нет никаких сомнений — случись им пережить что-то, подобное событиям их молодости, они вели бы себя точно так же, как в юности, они никогда бы не предали избранного ими пути. Думаю, что и в молодости они были не бесстрашны, и если бы было иначе, то это был бы уже не подвиг, а какое-то наркотическое опьянение собственным фанатизмом. Наверное, они боялись, наверное, им было страшно и не хотелось принимать крест, как не хотелось этого делать Христу (кто думает иначе, пытаюсь вообразить себе другую картину, пусть почитает повествование евангелистов о гефсиманской ночи). Наверное, с нашими сестрами было то же самое: не хотели, но верность побуждала их действовать так, как они действовали. А в будни, когда Господь дает возможность расслабиться, люди со своими слабостями проявляются вполне обыденно, с убеждениями, чуждыми пафоса.

Что меня при общении с ними больше всего удивляло: они такие разные, уже очень старые и много пережившие, но в них одновременно и верность до конца, и ужасная печать страха, которую они несли в себе до последних дней. Тревоги их, как нам тогда казалось, носили несколько преувеличенный характер, я думаю, что в то время — во всяком случае, им — уже почти ничего не грозило. Сестры жили предельно тихо. Но страх от пережитого, конечно, чувствовался в них всегда. Каждая из них была уверена в том, что со всех сторон все прослушивается, все просматривается. Может быть, и так, но я в этом не уверен. Из-за общения с ними никаких неприятностей ни у кого не было. Хотя в Москве оснований для страха было, по понятным причинам, больше, чем в Прибалтике.

По отношению к отцу Леониду Федорову⁶ все они хранили исключительное благоговение, кое-кто из них знал его лично. Нора Николаевна с ним встречалась, если мне память не изменяет, только один раз, когда он вернулся из одной ссылки перед отправкой в другую. Он в Москве служил на Пасху, и она сперва встретила его в трамвае, еще не зная, кто это. Тогда еще духовенство ходило по улицам в рясах. Она увидела незнакомого ей священника в трамвае, а потом узнала его в храме Непорочного Зачатия на Малой Грузинской, где он служил Пасхальную литургию по восточному календарю.

Неприятие некоторых суждений было связано у них, в основном, с личностью Юлии Николаевны Данзас⁷. Книга о Леониде Федорове диакона Василия фон Бурмана⁸ содержит много материалов о Юлии Николаевне, письма и ее воспоминания. Сестры полемизировали с ее оценкой как самой личности матери Екатерины⁹, так и московской общины сестер-доминиканок, и в этом была какая-то, в хорошем смысле, безрассудная, не

⁶ Федоров Леонид (Леонтий) Иванович, экзарх русских католиков.

⁷ Данзас Юлия (Иустина) Николаевна.

⁸ Василий, диакон ЧСВ. Леонид Федоров: Жизнь и деятельность. Рим, 1966.

⁹ Абрикосова Анна (Екатерина) Ивановна.

рассуждающая "рыцарственная" дочерняя верность. Они никаких доводов не принимали, правда, мне не приходилось с ними спорить.

Многое из того, что писала Юлия Николаевна, мне понятно: они были совершенно разными людьми — и темперамента, и взглядов, и просто судьбы. У Юлии Николаевны характер был сложный, думаю, что похожий характер был и у матери Екатерины Абрикосовой. И здесь два таких жестких, властных темперамента столкнулись, как два одинаковых полюса магнита. Но сестры были безупречны в оценке своей духовной матери, они всегда, не рассуждая, принимали ее сторону и, не возмущаясь кажущейся им несправедливостью, как-то так по-детски причитали по этому поводу.

За все время моего знакомства с сестрами Нора Николаевна в Вильнюсе бывала считанные разы и то — в начале восьмидесятых годов, потом она уже не могла предпринимать столь длительные и дальние путешествия. С вильнюсскими сестрами в последний раз я виделся где-то уже в конце восьмидесятых. Они умерли после 1990-го года, когда путешествия в Прибалтику становились все более затруднительными, и в последние годы их жизни я с ними, к сожалению, не встречался. До тех пор, пока в Вильнюсе жил отец Андрей, я имел о них больше сведений, имел возможность передать им привет, справиться о здоровье и настроении. В отличие от Норы Николаевны, вильнюсские сестры обладали более крепким сердцем, поэтому они "ветшали" очень постепенно — сердце продолжало работать, тогда как телесная слабость все увеличивалась, и перед кончиной, насколько мне известно со слов отца Андрея, они находились уже в полузабытии.

Алфавит упоминаемых лиц

АБРИКОСОВА Анна (Екатерина) Ивановна, родилась в 1882 в Москве. Мать умерла во время родов Анны, отец скончался через 9 дней от скоротечной чахотки; воспитывалась вместе с четырьмя братьями в семье своего дяди Николая Алексеевича Абрикосова. В 1903 — окончила Гартонский колледж Кембриджского университета. В 1903 — вернулась в Россию; вышла замуж за В.В. Абрикосова. С 1905 — путешествовала с мужем по Европе, 20 декабря 1908 — перешла в католичество в Париже. В 1910 — вернулась с мужем в Москву, в 1913 — принята в новициат Третьего ордена Св. Доминика под именем Екатерина. В 1917 — после Февральской революции встала с мужем на восточные позиции. После принятия ее мужем рукоположения 19 февраля 1921 — на квартире Абрикосовых была основана женская община сестер-терциарок ордена Св. Доминика, стала ее игуменьей. 12 ноября 1923 — арестована по групповому делу. 19 мая 1924 — приговорена к 10 годам тюремного заключения и отправлена в Екатеринбургский, затем — Тобольский и Ярославский политизоляторах. 9 августа 1932 — освобождена досрочно по состоянию здоровья с запретом проживания на 3 года (-12). Проживала в Костроме, приезжая в Москву для консультаций с врачом, посещала богослужения, тайно встречалась с молодежью на квартирах. 5 августа 1933 — арестована по групповому делу. 19 февраля 1934 — приговорена к 8 годам ИТЛ и отправлена в Ярославский политизолятор. 23 июля 1936 — скончалась в Бутырской тюремной больнице.

ДАНЗАС Юлия (Иустина) Николаевна, родилась в 1879 в Афинах. С 1888 — проживала в России, получила домашнее воспитание, в 1896 — сдала выпускные экзамены в мужской гимназии в Санкт-Петербурге; изучала вольнослушательницей историю и философию в Сор-бонне, с 1907 — фрейлина императрицы. Занималась научной работой в Париже и в Риме, автор ряда книг. С августа 1914 — во время мировой войны заведовала передовым складом Красного Креста при 10-й армии, с 1916 — служила добровольцем в казачьем полку, участ-вовала в боях. В марте 1917 — вернулась в Петроград; с ноября 1918 — работала в Публичной библиотеке, с ноября 1919 — преподавала в Педагогическом институте. С марта 1920 — заведующая Домом ученых. 5 марта 1920 — арестована, позднее освобождена под подписку; 18 октября дело прекращено. 17 ноября 1920 — перешла в католичество, 25 марта 1922 — пострижена в монахини с именем Иустина. Выступала с докладами и лекциями; вступила в религиозно-философское общество, сотрудничала с издательством "Всемирная литература". 17 ноября 1923 — арестована по групповому делу. 19 мая 1924 — приговорена к 10 годам тюремного заключения и отправлена в Иркутский изолятор. Весной 1928 — переведена в Соловецкий лагерь особого назначения, в 1931 — в Белбалтлаг. В январе 1932 — досрочно освобождена из лагеря. В 1934 — выкуплена и выехала за границу. Проживала в Германии, с 1935 — во Франции. Вступила в орден Св. Доминика с именем Екатерина, но поняла, что монашество не ее призвание. Осенью 1935 — выехала в Париж, была сотрудником доминиканского центра изучения России "Истина", писала также статьи для журнала "Истина"; автор ряда книг. С 1939 — проживала в Риме. 13 апреля 1942 — скончалась там.

КУЗНЕЦОВА Валентина (Антонина) Васильевна, родилась в 1897 в Санкт-Петербурге. Окончила гимназию. Проживала в Москве. Перешла в католичество; позднее пострижена в монахини с именем Антонина. 8 марта 1924 — арестована по групповому делу. 19 мая 1924 — приговорена к 3 годам ссылки и отправлена в с. Инкино Нарымского. 9 мая 1927 — освобождена из ссылки с ограничением проживания на 3 года (-6). Проживала в Костроме, с 1930 — в Одессе, затем в Краснодаре, позднее в Ставрополе, с 1934 — в Тамбове. 1 февраля 1935 — арестована по групповому делу. 16-19 ноября 1935 — на судебном процессе оправдана и освобождена. Проживала в Малоярославце. В 1941 — арестована, приговорена к 3 годам ИТЛ и отправлена в Сиблаг. В 1945 — освобождена и вернулась в Малоярославец; с осени 1948 — в Калуге. 3 апреля 1949 — арестована по групповому делу за шпионаж в пользу Ватикана. 29 октября 1949 — приговорена к 15 годам ИТЛ и отправлена в Ангарлаг. 14 июня 1956 — освобождена из лагеря досрочно, поселилась у сестры в пос. Лесной Калининградской, с 1958 — в Вильнюсе в квартире сестер-доминиканок. 9 октября 1989 — скончалась в Вильнюсе.

РУБАШОВА Нора (Екатерина Сиенская) Николаевна, родилась в 1909 в Москве. В 1920-х — студентка МГУ. В апреле 1926 — приняла католичество, позднее пострижена в монахини с именем Екатерина Сиенская, участвовала в тайных богослужениях на

квартирах. 15 февраля 1931 — арестована по групповому делу. 18 августа 1931 — приговорена к 5 годам ИТЛ и отправлена в Сиблаг. В 1936 — освобождена и выслана в Мичуринск, работала в ботаническом саду. Летом 1939 — освобождена и выехала в Малоярославец, вошла в общину сестер-доминиканок. В мае 1944 — выехала в с. Ново-Шульбу Семипалатинской для помощи сестре общины, работала в школе. С 1947 — вернулась в Малоярославец, с лета 1948 — в Калуге. 30 ноября 1948 — арестована по групповому делу. 29 октября 1949 — приговорена к 15 годам ИТЛ и отправлена в Воркутлаг, с 1954 — в Карлаге. В мае 1956 — освобождена, вернулась в Москву, работала в Исторической библиотеке, позднее на пенсии. 12 мая 1987 — скончалась.

ФЕДОРОВ Леонид (Леонтий) Иванович, родился в 1879 в Санкт-Петербург. Окончил классическую гимназию, учился в православной духовной академии в Санкт-Петербурге, оставил ее после третьего курса; заинтересовался католичеством, выехал во Львов, был сердечно встречен архиепископом Андреем Шептицким, затем выехал в Рим; 31 июля 1902 — воссоединился там с Католической Церковью. В 1907 — окончил Папскую иезуитскую коллегию в Ананьи под Римом, позднее учился в Коллегии при Конгрегации распространения веры. Вынужден был перебраться в Швейцарию, окончил университет во Фрейбурге (Швейцария). Вернулся во Львов, с 1909 — ректор и профессор в духовной семинарии ордена студитов. 25 марта 1911 — рукоположен, служил во Львове. В 1912 — выехал в Боснию, служил в монастыре студитов как монах Леонтий. В 1914 — вернулся в Санкт-Петербург; выслан царскими властями в Тобольск под строгий надзор полиции. В 1917 — после Февральской революции освобожден и вернулся в Петроград. Служил настоятелем церкви русских католиков Сошествия Св. Духа, руководил монашеской общиной Св. Духа; назначен экзархом католиков восточного обряда в России, в феврале 1921 — утвержден Папой Римским. 21 октября 1922 — арестован в Петрограде; освобожден в тот же день. 23 февраля 1923 — арестован по групповому делу. 21-26 марта 1923 — приговорен к 10 годам тюремного заключения. Наказание отбывал в Лефортовской и Сокольнической тюрьмах Москвы. 26 апреля 1926 — освобожден досрочно с ограничением проживания на 3 года (-6). Поселился в Калуге. 10 августа 1926 — арестован, 18 сентября приговорен к 3 годам ИТЛ и отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения. 13 августа из лагеря освобожден и выслан в деревню под Пинегой Архангельской области. В начале 1931 — арестован, шесть месяцев провел в тюрьме; осенью освобожден и выслан на 3 года в Котлас Архангельской области. В конце 1933 — из ссылки освобожден с ограничением проживания на 3 года (-12). С января 1934 — поселился в Вятке. 7 марта 1934 — скончался там.

ЭЙСМОНТ Софья (Филомена) Владиславовна, родилась в 1900 в Вильно. Проживала в Москве. Окончила гимназию, поступила в консерваторию. Летом 1923 — перешла в восточный обряд и вступила в общину монахинь-доминиканок. 8 марта 1924 — арестована по групповому делу. 19 мая 1924 — приговорена к 3 годам ссылки и отправлена в с. Обдорск Нарымского, работала машинисткой в конторе. 9 мая 1927 — освобождена с запретом проживания на 3 года (-6). Проживала в Краснодаре, давала частные уроки музыки. 22 июля 1929 — пострижена в монахини с именем Филомена. Осенью 1930 — выехала в Одессу, затем — в Смоленск, с 1931 — в Москве, работала машинисткой в банке, с марта 1933 — в Рязани. 15 августа 1933 — арестована по групповому делу. 19 февраля 1934 — приговорена к 8 годам ИТЛ и отправлена в Бамлаг, со 2 февраля 1935 — в Ухтпечлаге, с 1938 — в Воркутлаге. 23 июня 1942 — освобождена с ограничением проживания на 3 года (-6). Проживала в Куйбышевской области, с 1943 — в Уральске, с марта 1947 — в Малоярославце, с апреля 1947 — в Калуге. 30 ноября 1948 — арестована по групповому делу. 17 августа 1949 — приговорена к 10 годам ИТЛ и отправлена в Тайшетлаг; позднее — в Ангарлаг. 3 ноября 1954 — освобождена досрочно и выслана в Казахстан. 26 мая 1956 — освобождена досрочно, выехала в мест. Майшогала под Вильнюсом к сестрам-доминиканкам, позднее — в Вильнюсе. 25 февраля 1993 — скончалась в Вильнюсе.